

УДК 81'373

DOI: 10.17223/19986645/53/7

И.В. Тресорукова

ПИЩЕВОЙ КОД ГРЕЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ФИТОНИМ «ОГУРЕЦ»

Анализируется пищевой код греческой фразеологии и один из его специфических фрагментов, который в качестве самостоятельного объекта ранее не исследовался. Цель статьи – рассмотреть функционирование лексемы «огурец» как компонента-фитонима в составе фразеологических единиц на материале новогреческого языка и выявить особенности пищевого кода греческой фразеологии в целом. На основании изучения корпусов текстов и полевых исследований проведен анализ фразеологических единиц, содержащих этот фитоним, выявлен его семантические и ассоциативные аспекты в рамках рассмотрения различных сфер лексико-фразеологического поля, содержащего данную лексику, что позволяет сделать выводы об особенностях формирования греческой языковой картины мира.

Ключевые слова: фразеология, пищевой код, языковая картина мира, греческий язык, огурец.

Фразеология имеет особую культурологическую ценность в системе любого языка [1. С. 67], являясь своеобразным хранилищем мировоззрения народа, его взглядов и идеалов. Фразеологические единицы (ФЕ) связывают язык с внеязыковой действительностью, что отражает и его аутентичность. Как пишет Ю.П. Солодуб, основу их семантики составляет фразеологический образ, в котором сохраняется национальная специфика ФЕ, так как он опирается на реалии, присущие только одной конкретной нации [2. С. 57].

С точки зрения антропоцентрического подхода к изучению языка такие образы и образные системы формируют так называемые коды культуры, которые представляют собой национально окрашенные «образные коды» [3. С. 83], выражающиеся при помощи совокупности языковых средств и регулярно воспроизводящиеся в речи. Образность в этом ключе понимается как «лексико-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня, проявляющаяся в их способности обозначить определенное явление внеязыковой деятельности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, нетождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [4. 40]. В этом свете для каждой культуры типовыми выступают представления, выражаемые через образы, формируемые из первичного значения слова и его вторичной интерпретации на основании сходства обозначаемых образов, реальных или мнимых их характеристик. Например, в греческих словосочетаниях *γλυκό τσάι* (gliko tsai – сладкий чай) – *γλυκό νερό*

(gliko nego – пресная вода) – γλυκό χαμόγελο (gliko khamoghelo – милая улыбка) в первом случае прилагательное γλυκός (glikos) употребляется в прямом значении, реализуя лексико-семантический вариант (ЛСВ) ‘сладкий, содержащий сахар’, во втором случае (*пресный*) передаёт семантику ‘не содержащий соли’, а в третьем употреблено в метафорическом значении, реализуя ЛСВ ‘милый, вызывающий приятные ощущения’.

Основа любого культурного кода – символ как «итог смыслового развития знака в культуре», который является знаком «для устойчивого и регулярного воплощения ценностного содержания культуры, ее основных категорий и смыслов» [5. С. 211]. ФЕ в лингвокультурологии играют важную роль, так как создают особую символику окружающего мира. «Этот несколькословный языковой знак способен не только образно описывать происходящее, но и воплощать в себе устойчивые смыслы, которые являются частью семантики данного знака и извлекаются из него при употреблении фразеологизма в речи» [Там же. С. 197]. Таким образом, ФЕ наряду с другими средствами образной номинации (ср., напр., различные тропеистические средства: метафоры, сравнения и пр.) берут на себя функции по отображению и выражению материальной, духовной и языковой картины мира человека и нации в целом.

С историей человеческой цивилизации как таковой и каждого народа в отдельности неразрывно связана история еды: пищевые продукты – одна из основных движущих сил истории человечества, и вопрос питания появляется на самом раннем этапе его развития. Прием пищи неотъемлемо присутствует во всех областях межличностных и общественных отношений, с едой связаны важнейшие ритуалы и культы в человеческой жизни. «Еда – это важный фактор национального самосознания <...> и основной элемент идентичности: этнической, религиозной, социальной» [6. С. 11]. В современном обществе еда и все связанное с ней складывается в единый концепт, метафору освоения окружающего мира, и процесс современной коммуникации все больше приобретает характер глоттонический [7], т.е. связанный с потреблением пищи и поддержанием жизни.

Одним из наиболее распространенных культурных кодов является пищевой (или кулинарный) код: кулинария, гастрономия и еда в целом служат для обозначения целого комплекса различных образов (социальных, семейных, религиозных отношений, опосредованное восприятие природы и пр.), что дает возможность для подробного изучения лексико-фразеологического состава этого кода. В восприятии человека «пища выступает как посредник между природой (космосом) и человеком (социумом, культурой) и вместе с тем как мерило ценности, как средство социальной коммуникации» [8. С. 60]. При этом пищевой код «находится в тесном взаимодействии с другими культурными кодами» [9. С. 211], в том числе и с анималистическим, включающим фитонимический код.

Одним из элементов формирования пищевого кода являются названия растений, или фитонимы, составляющие значительную часть греческого пищевого кода. В буквальном значении они представляют собой опреде-

ленные ботанические реалии и уже в метафорическом смысле выступают в качестве воплощения какого-либо явления или свойства. Как пишет Н.Д. Петрова [10. С. 29], символика растений одна из самых древних и в основе ее формирования лежит распад мифологического мышления, тесно связанного с обожествлением природных реалий, и сравнение, которое человек проводит с предметами и явлениями окружающей действительности. В результате такого сравнения создается символический код природных явлений, что способствует формированию концептуальной картины мира, а символика растений приводит к появлению ботанических символов, или фитонимов.

С точки зрения семантической символики фитонимы могут быть разделены на узуальные и окказиональные. *Узуальные* (или константные) образовались на ранней стадии формирования человеческого сознания и доступны пониманию разных народов и национальностей. *Окказиональные* представляют собой отражение свойств и качеств, которые приписывает фитонимам человек [Там же]. Узуальным символам присущи постоянство и стойкость признака, а окказиональные символы, обладая динамическим характером символики, сужают или расширяют сферу своего применения, постепенно теряя ассоциативные связи [Там же]. При этом у каждого народа может быть своя окказиональная символизация [11. С. 132], и это связано с различным восприятием окружающего мира и разнообразием культур. Различные фитонимы формируют так называемое образное лексико-фразеологическое поле, где каждая лексема фигурирует в различных значениях, которые объединяются на основании «единства исходного мотивирующего образа» [8. С. 208].

В греческой фразеологии фитонимическая тематика развита весьма широко, достаточно лишь упомянуть такие примеры, как *βαρύ πεπόνι* (*vari peroni*) букв. «тяжелая дыня», метафорически (мтф.) «насупившийся (человек)», *το μῆλο πέφτει κάτω από τη μηλιά* (*to milo peftei kato apo ti milia*) (букв. «яблочко падает под яблоню», мтф. «они очень похожи, они родственники», ср. рус. «яблочко от яблони недалеко падает»), *σπουδαία τα λάχανα* (*sroudea ta lakhana*) (букв. «важная капуста», мтф. «что за чепуху ты несешь») и т.п. Фитонимы весьма разнообразны и отражают различные функции, используясь как константные или окказиональные символы, передают все богатство менталитета греческого народа.

Обращаясь к такому элементу пищевого кода, как фитоним «огурец», следует отметить, что эта лексема существует в лексическом поле греческой нации с древних времен. При этом наименование огурца в древнегреческом языке архаической и классической эпохи первоначально не имеет ничего общего с современным его названием *αγγούρι* (*angouri*). В древнегреческих текстах этот овощ называется словом *σικύος* (*sikios*), которое употребляется в сочетании со словом *πέπων* (*peron*), что вполне могло означать любой овощ из разряда тыквенных – дыню, кабачок и пр. На основании сохранившихся упоминаний огурца в древнегреческих текстах (согласно анализу, проведенному по базе TLG [12]) этот фитоним сразу же вос-

принимается как продукт питания и встречается или в описаниях застолья (ср., напр., Аристофан, фрагменты комедий (4 упоминания) Афиней «Пир мудрецов» (19 упоминаний) и пр.) или же в трактатах медицинского содержания Галена, Эвсебия и пр. Весьма часто также подчеркивается качество этого овоща как содержащего семена: ср., напр., у Гесихия – *μέγας σικυός* (meghas sikios – большой огурец) – *σπερματίας* (spermatias – (огурец) с семенами) (Hesychius Lexicogr., Lexicon (Π – Ω) (4085: 003)) или же не содержащего семян («*σικυός και πέπον άνευ τοῦ σπέρματος*») (sikios kai pepon anev tou spermatos) (огурец и дыня без семян), Phaenias Phil., Fragmenta 46, 2). Огурец в древнегреческих текстах (в частности, в текстах медицинского характера, ср., напр., трактат II в. н.э. «De rebus boni malique susi», написанный знаменитым римским врачом Галеном) воспринимается как освежающий овощ, который плохо переваривается и может вызвать расстройство желудка.

Современное наименование огурца как *αγγούρι* (angouri) появляется в медицинских трактатах II в. н. э. и перечисляется среди овощей в различных рецептах (Anonymi Medici Med., De urinis in febribus 2, 323, 13: *τροφή δὲ αὐτῷ ἔστω πᾶσα ψυχρὰ καὶ ὑγρὰ διαίτα ὡσπερ χρυσολάχανα καὶ μαλάχη καὶ ἀγγούρια καὶ κντράγγουρα* (trofi de auto esto pasa psikhra kai hygra diaita khris-olakhana kai malakhe kai angouria kai kitrangoura) (а питанием же ему следует <выбрать> любую холодную и влажную диету, как, например, лебеду, мальву, огурцы и цуккини¹)). Псевдо-Гиппократ в медицинском трактате пишет: «...οἱ δὲ σίκυοι ἤγουν τὰ ἀγγούρια τὰ ἡμέρα διουρητικά εἰσι καθάπερ οἱ πέπονες, ἀλλ' ἡπτῶνται ἐκείνων κατὰ τὴν οὐσίαν καὶ διὰ τοῦτο <οὐδὲ> ῥαδίως διαφθεῖρονται ἐν γαστρῷ (oi de sikioi egoun ta angouria ta hemera diouretika eisi kathaper oi pepones all' hettontai ekeinon kata ten ousian kai dia touto <oude> radios diaftheirontai en gastri) (а огурцы, то есть окультуренные огурцы, являются мочегонными, как и дыня, но по сути более действенны, поэтому быстрее перевариваются в желудке)» (Pseudo-Hippocrates Med., Περὶ διαφορᾶς τροφῶν πρὸς Πτολεμαῖον 491, 19), при этом в самых авторитетных современных древнегреческо-английских словарях «A Greek-English Lexicon» [13] или «A Patristic Greek Lexicon» [14] это слово не встречается, а *ἀγγουρος* (angouros) переводится как «кусочек торта или кекса»².

В восприятии носителя современного греческого языка огурец обладает предсказуемыми ассоциациями, и прежде всего является эвфемистической заменой фаллоса. Сложно сказать, когда именно во фразеологическом лексиконе огурец стал выполнять эту специфическую функцию, так как в Тезаурусе греческого языка нам не удалось найти соответствующих фраг-

¹ Κντράγγουρο или τετράγγουρο соответствует cucurbita pepo в латинском варианте, что согласно современной терминологии соответствует кабачку-цуккини или же незрелой тыкве. Мы осмеливаемся предложить вариант перевода «цуккини», так как этот овощ наиболее близок по форме к огурцу. При «этимологическом», т.е. поморфемном переводе этот овощ можно интерпретировать как «пимонный огурец».

² Согласно этимологии, приводимой в этимологическом словаре новогреческого языка Г. Бабиньотиса [15], современное название огурца происходит от арабского *agur* и впоследствии полностью замещает древнегреческий термин.

ментов с метафорическим значением. В словаре средневекового греческого языка Э. Криараса [16] встречается указание леммы *αγγουράκι* (angouraki) и приводится как метафорическое значение «мужской член», при этом приводимая ссылка на источник не поддается расшифровке (*αγγουράκι* το μικρό αγγούρι (μεταφ.) το ανδρικό μέγρο: (Δεφ., Λόγ. 441). [<ουσ. *αγγούρι* + κατάλ. -άκι.] («angouraki – маленький огурец, (мтф.) мужской член: (Δεφ., Λόγ. 441). [<сущ. *αγγούρι* + оконч. -άκι.»)), но на современном этапе это замещение весьма распространено: как пишет Эвангелос Папазахариу, огурец имеет форму, весьма напоминающую форму мужского полового органа [17], что позволяет денотату (овощу, названному фитонимической лексемой, обозначающей овощную культуру) эвфемистически подменять собой мужской половой орган. Нельзя исключить также возможность восприятия огурца как овоща, содержащего большое количество семян (*σπερματίας* (spermatias)), что опять-таки роднит его с фаллосом.

При анализе корпуса новогреческих текстов ЕФЕГ и вычленении вариантов ФЕ, включающих лексему *огурец*, выявлено 14 наиболее употребительных ФЕ, содержащих лексему *αγγούρι* (angouri), известных 85% носителей языка³, при этом оставшиеся 15% респондентов не знали предлагаемых фразеологизмов или предлагали свои варианты приводимых ФЕ⁴.

Среди скомпонованной группы ФЕ есть практически все категории фразеологизмов: и идиоматические, и устойчивые выражения, и паремии, и речевые формулы (классификация ФЕ проводится по теории Баранова – Добровольского [18. С. 44]). Наибольшее количество приходится на долю идиоматических выражений (5 из 14), затем следуют устойчивые выражения (3 из 14), 3 паремии, 2 речевые формулы и 1 метафорический дериват.

При анализе семантики фитонима *огурец* в различных ФЕ прежде всего выявляются ФЕ, где огурец интерпретируется непосредственно как фаллический символ. Идиома *μου μπήκε το αγγούρι* (mou bike to angouri) (вариант: *μου έχει μπει το αγγούρι / μου έχει μπει μεγάλο αγγούρι* (mou ekhi bi to angouri / to megalō angouri)) дословно означает «в меня вошел огурец» (вариант: «в меня уже вошел огурец / большой огурец») (как правило, говорящий уточняет, куда именно вошел огурец – *στον κόλο* (ston kolo) (букв. «в задницу») [19]) и характеризует трудности, с которыми пришлось столкнуться человеку, причем это выражение почти всегда сопровождается определенной obscene жестуляцией для усиления значения ФЕ.

³ Анализ был произведен путем опроса различных носителей языка, выборка была сделана при сотрудничестве с Лабораторией греческого языка Университета им. Демокрита (Фракия, Греция), возрастной состав участников от 20 до 50 лет, всего в опросе приняли участие 253 человека, которым был предложен специально составленный для этой цели опросник, где содержались представленные в данной статье ФЕ.

⁴ 85% респондентов опознали ФЕ, которые в результате можно отнести к узуальным, оставшиеся 15% респондентов выявили окказиональные ФЕ. Речь в данном случае идет о респондентах, являющихся носителями греческого языка, т.е. и узуальные, и окказиональные ФЕ формируют греческую языковую картину мира (ЯКМ).

Среди речевых формул с лексемой *огурец* весьма примечательной является ФЕ *μιλιόρι αγγούρι* (*miliori angouri*, букв. «миллионы огурцов»). Эта ФЕ ведет свое происхождение из рекламы макарон *Misco*, где итальянец говорит: *Migliori auguri από Misco, χρόνια πολλά* (*Miliori auguri apo Misco, kronia polla*) (букв. «Всего вам хорошего от компании Миско, с праздником!»). *Auguri*⁵ было услышано как «*anguri*» и истолковано как *αγγούρι* в образе фаллического символа, после чего эта речевая формула вошла в язык с отрицательными коннотациями и стала означать большие неприятности и сложности, причем негативность значения передается также при помощи интонации и соответствующей жестикюляции [19]: *ΜΙΛΙΟΡΙ ΑΓΓΟΥΡΙ (μα μεγάλο αγγούρι) ΑΣΦΑΛΙΣΤΙΚΟ. Χρόνια Πολλά. Και ένα φιλάκι από κοντά όπως έκανε ο μάγειρας* (*MILIORI ANGOURI (ma megalο angouri) ASFALISTIKO. Khronia polla. Ke ena filaki apo konda opos ekane o maghiras*) («ОГРОМНАЯ ПРОБЛЕМА (букв. «БОЛЬШОЙ ОГУРЕЦ») (ну очень большая проблема (букв. «ну очень большой огурец»)) – СТРАХОВОЙ ВОПРОС. С праздником. Нежно целую вас по примеру повара <из рекламы>»).

К эвфемистическим ФЕ, где огурец заменяет собой мужской половой орган, относится идиома *αγγούρια καλαβρέζικα* (*angouria kalavrezika*), которая по одной из версий, предлагаемых Никосом Сарантакосом, является эвфемизмом к идиоме *αρχίδια καλαβρέζικα* (*arkhidia kalavrezika*) [Там же]. Эпитет *καλαβρέζικα*⁶ отсылает нас к чему-то качественному, в то время как существительное *αρχίδια* («яйца», бран.) обозначает нечто, не имеющее существенного значения [Там же]. Само выражение *αγγούρια καλαβρέζικα* (*aggouria kalavrezika*, букв. «калабрийские огурцы», мтф. «черт знает что такое», «не пойми что») употребляется для обозначения пренебрежительного отношения говорящего к предмету, причем зачастую выражение включается в рифмованную пословицу-приказку *Κι όσα μας λες κινέζικα, κι αρχίδια / αγγούρια καλαβρέζικα* (*Ke osa mas les kinezika ki arkhidia / angouria kalavrezika*) (букв. «И все, что ты говоришь, – китайская грамота, и яйца / огурцы калабрийские»), где существительное *αγγούρια* может быть вариантом и чередоваться с существительным *αρχίδια*.

Фитоним *αγγούρι* формирует еще одну группу ФЕ, где эта лексема используется применительно к внешности человека. Идиома *περπατάω σαν αγγούρι* (*perpatao san angouri*, букв. «ходить как огурец») употребляется для обозначения человека с косолапой, нескладной походкой: *Αυτά και αυτά είδε ο πετυχημένος σκηνοθέτης Woody Allen και γύρισε όλες τις σκηνές της Carla με μία νεαρή και όμορφη ηθοποιό, και σκέφτεται να συνεχίσει βγάζοντας την Carla από την ταινία, καθώς όταν γύριζαν τις σκηνές, δεν μπορούσε να αρθρώσει λέξη, και περπατούσε σαν αγγούρι!* (*Afta ke aft aide o petikhimenos skinothetis*

⁵ Авгурями назывались жрецы, гадавшие по полету птиц в Древнем Риме.

⁶ Это прилагательное нам не удалось обнаружить в существующих толковых словарях греческого языка, но этимологически оно явно происходит от названия итальянского города Калабрия, что позволяет буквально переводить эту лексему как «калабрийский». Безусловно, в самой ФЕ это прилагательное не имеет никакого отношения к конкретному городу и в греческом языке встречается только в составе данной ФЕ.

Woody Alen ke ghirise oles tis skines tis Carla me mia meari ke omorfi ithopio ke skeftete na sinekhisi vgazontas tin Carla apo tin tenia, kathos otan ghirisan tis skines, den mporouse na arthrosi leksi, ke perpatouse san angouri) («Вот и увидел это все успешный режиссер Вуди Аллен, и снял все сцены Карлы с молодой и красивой актрисой, и собирается так и продолжать, убрав Карлу из фильма, так как во время съемок она ни слова не могла произнести и ходила враскоряку (букв. «как огурец»»)).

Необычным является происхождение ещё одной новогреческой речевой формулы: *δες μια μούρη σαν αγγούρι* (des mia mougi san angouri, букв. «посмотри на морду как огурец»). Она представляет собой фразу из стихотворения-дразнилки, описывающего уродливого человека:

*Δες μια μούρη σαν αγγούρι,
 Δες μια μύτη σα σημίτη,
 Δες κάτ' μάτια σαν κομμάτια,
 Δες κάτ' πόδια σαν χταπόδια,
 Δες κάτ' χέρια σαν μαχαίρια.
 («Посмотри на морду как огурец,
 Посмотри на нос как у еврея,
 Посмотри на глаза как две плошки,
 Посмотри на ноги как у осьминога,
 Посмотри на руки как ножи.»)*

Обычно в разговоре употребляется только самая первая строка этого стихотворения: *Από πίσω ήταν θεά, αλλά όταν γύρισε προς εμένα, ρε φιλαράκο, είπα μέσα μου δες μια μούρη σαν αγγούρι* (Apo piso itan thea, ala otan ghirise pros emena, re filarako, ipa mesa mou des mia mougi san angouri) («Сзади она была просто богиней, но когда повернулась, дружище, я сказал себе: «Глянь-ка на рожу как огурец»).

Следует отметить, что в отличие от греческого в русском языке лексема *огурец* и её диминутив *огурчик* при описании внешности, как правило, употребляются для обозначения привлекательности человека (ср., напр., «он бодр как огурчик» или «встал утром как огурец, бодр и свеж»), в то время как в греческом фитонимы в описании личности всегда имеют отрицательные коннотации (напр., см. выше *βαρύ πεπόνι*).

К сфере «внешность и части тела» относится также пословица с лексемой *αγγούρι*: *το αγγούρι και εάν εγέρασε και άλλαξε η υφή του ούτε το μάκρος του άλλαξε ούτε η δομή του* (to angouri ke ean egherase ke allakse i ifi tou oute to makros tou allakse oute i domi tou) («Огурец хоть и состарился и изменил свой облик, у него ни длина не изменилась, ни структура»), вариант к основной пословице *ο λύκος κι αν εγέρασε κι άλλαξε το μαλλί του μηδέ τον τρόπο άλλαξε, μηδέ την κεφαλή του* (o likos ki an egherase ki allakse to mali tou mide ton tropo allakse mide tin kefali tou) («Волк хоть и состарился, и шерсть у него цвет изменила, у него ни привычки, ни разум не сменились»). По всей видимости, эта пословица является своеобразным неологизмом, так как в результате проведенного опроса респондентов установлено, что данная паремия упо-

требляется в основном в молодежной среде, появившись в активном разговорном лексиконе лишь в конце XX в. [21].

К группе ФЕ, связанной с описанием внешности, следует отнести и производную от *αγγούρι* лексему *αγγούρω* (*angouro*) (как вариант *ξυλάγγουρω* (*ksilangouro*) (букв. «дикий огурец»)), являющуюся метафорическим дериватом и употребляемую исключительно в форме единственного числа. Этот дериват не имеет парадигмы склонения и используется только для обозначения очень высокой, нескладной и некрасивой женщины.

Фитоним *αγγούρι* представлен также в паремиях, где описываются различные жизненные ситуации. Так, например, пословица *η ζωή είναι αγγούρι που ο ένας το τρώει και δροσίζεται και άλλος το τρώει και ζορίζεται* (*I zoi ine angouri pou o enas to troi ke drosizete ke allos to troi ke zorizete*) (букв. «Жизнь – как огурец: один его ест для свежести, а второй ест и мучается») употребляется для обозначения оптимистов и пессимистов; в русском языке этой пословице может соответствовать изречение о жизни, уподобляемой наполовину полную или пустому стакану. Синонимом к этой пословице, как указывает Н. Сарантакос [19], является паремия *Η ζωή είναι ένα κρεμμύδι που καθώς το ξεφλουδίζεις κλαίς* (*I zoi ine ena kremidi pou kathos to ksefloudizis kles*) (букв. «Жизнь – это лук, который ты чистишь и плачешь»).

Ещё одна пословица, содержащая фитоним *огурец*, *πέντε μέρες τρως αγγούρι και το Σάββατο είσαι μούρι* (*Pende meres tros angouri ke to Savato ise mourí*) буквально означает «Пять дней ешь огурцы и в субботу прекрасно выглядишь» и употребляется для иронического обозначения молодых людей, которые стремятся попасть в число знаменитостей, но на это у них нет средств, поэтому пять дней экономии и один день развлечений становится для них стилем жизни [21]: *Πέντε μέρες τρως τ' αγγούρι και το Σάββατο είσαι μούρη. Εγώ αγαπητοί μου μπλόγκερς έφαγα 5 αγγούρια μέχρι στιγμής κ η μούρη μου δεν άλλαξε καθόλου, πόσο μάλλον το πορτοφόλι ή κάποιος από τους πολλούς άδειους λογαριασμούς που έχω... για να'μαι και μούρη, όχι τίποτε άλλο* (*Pende meres tros angouri ke to Savato ise mourí. Ego agapiti mou bloggers efaga 5 angouria mekhri stigmis ke i mourí mou den allakse katholou, poso malon to portofoli i kapios apo tous polous adious logariasmous pou ekho... ghia na'me ke mourí okhi típtee allo*) («Пять дней ешь огурцы и в субботу прекрасно выглядишь. Я, дорогие мои блогеры, пока съел только 5 огурцов, и морда моя совсем не изменилась, а вот кошелек, как, впрочем, и пять пустых счетов, совсем обнищали... И все для того, чтобы и я всего-навсего мог выглядеть как человек»). Весьма часто также употребляются в качестве синонимичных такие пословицы, как *Πέντε μέρες στην δουλειά, για μια νύχτα γκλαμουριά* (*Pende meres ston doulia ghia mia nikhta glamouria*) («Пять дней на работе ради одной ночи гламура») / *Πέντε μέρες χαμαλίκι για μια νύχτα στον Τσαλίκη* (*Pende meres khamaliki ghia mia nikhta ston Tsaliki*) («Пять дней как проклятый (работаю), чтобы провести одну ночь у Цаликиса») / *Κάθε μέρα τρως αγγούρι και το Σάββατο είσαι μούρη* (*Kathe mera tros angouri ke to Savato ise mourí*) («Каждый день ешь огурцы и в субботу будешь прекрасно выглядеть»).

Кроме того, фитоним *αγγούρι* формирует сферу «мировосприятие» и используется для обозначения препятствия, зачастую непреодолимого: ФЕ (*πηγαίνω*) *ξεβράκωτος στ'αγγούρια* (pijeno ksevrakotos st'aggouria, букв. «(иду) бесштаный (= без штанов) в огурцы»), мтф. «принимаюсь за дело, которое мне не по силам»), употребляется для обозначения человека, берущегося за дело, в котором он несведущ и не обладает достаточным опытом. По всей видимости, своим происхождением идиома обязана тем, что растущие на лозах огурцы, как правило, имеют колючки, и без защиты голых участков тела (рук или ног) можно оцарапать или даже получить различные травмы: *Πάει ο πρωθυπουργός ξεβράκωτος στα αγγούρια να ζητήσει οικονομική στήριξη από την Ε.Ε. Αφού μας έχουνε πάρει χαμπάρι οι Ευρωπαίοι ρεεεεεε!* (Pai o prothiourgos ksevrakotos sta angouria na zitisi ikonomiki stiriksi apo tin EE. Afou mas ekhoune pari khambari oi Evropei reeee!) («Наш премьер лезет не в свое дело (букв. «идет без штанов в огурцы») и хочет получить финансовую помощь от ЕС. Да европейцы нас уже давно раскусили!!!»). Эвфемистическим вариантом для этой ФЕ служит выражение *πηγαίνω ζυπόλητος στ'αγκάθια* (pijeno ksipolitos st' angathia), где *αγγούρι* заменяется лексемой *αγκάθια* (angathia) (колючки).

В сферу «мировосприятие» входит и метафорическое значение *αγγούρι* «сложное, запутанное дело» (что весьма близко к предыдущему значению «зачастую непреодолимое препятствие»): причем здесь сфера «мировоззрение» фитонима *αγγούρι* пересекается со сферой «внешность и части тела» (ср. выше: *μου μπήκε το αγγούρι*), так как в устной речи употребление ФЕ с данной лексемой может сопровождаться соответствующими обценными жестами. Так, среди ФЕ с компонентом *αγγούρι* (angouri) преобладают глагольные идиомы с главным компонентом – глаголом: *είναι αγγούρι* (ine aggouri, букв. «это огурец», мтф. «это сложно»), *το βρίσκω αγγούρι* (to vrisko aggouri, букв. «я нахожу это огурцом», мтф. «это сложно для меня»), где огурец означает нечто сложное, непреодолимое, создающее большое количество проблем: *Να αλλάξεις το σκληρό μόνοσ σου είναι μεγάλο αγγούρι, καλύτερα να επικοινωνήσεις με την υπηρεσία υποστήριξης* (Na alaksis to skliro monos sou ine megalo angouri, kalitera na epikinonisis me tin omada ipostiriksis) («Самому поменять жесткий диск – это непосильная задача, лучше пообщайся с техподдержкой»). Или: *Ο Καραμανλής τα βρήκε αγγούρι και τα παράτησε* (O Karamanlis ta vrike anguri ke ta paratise) («Караманлис счел это непосильным и все бросил»). Сразу следует отметить, что *αγγούρι* в такого рода ФЕ всегда стоит в форме единственного числа как компонент, полностью утративший свои первоначальные морфологические и семантические признаки. Синонимами к этой фразе служат такие ФЕ, как *τα βρίσκω μπαστούνια* (ta vrisko bastounia, букв. «я нахожу это палками», мтф. «это сложно для меня»), *τα βρίσκω σκούρα* (ta vrisko skoura, букв. «я нахожу это темным», мтф. «это сложно для меня»).

Среди устойчивых выражений с лексемой *αγγούρι* преобладают глагольные ФЕ, которые используются для обозначения ненужного, непригодного к употреблению предмета и, как следствие, ненужного и напрас-

ного действия, формируя тем самым сферу «межличностные отношения»: ср., например, ФЕ *αγαπάω κάποιον σαν το πάτο από το αγγούρι* (agapao karion san to pato apo to angouri, букв. «любить кого-либо как «попку» от огурца»). Как пишет Н. Сарантакос [19], «попка» огурца непригодна для еды, поэтому она обозначает что-то совсем не стоящее внимания, при этом синонимом служит выражение *αγαπάω κάποιον σαν κόλλο από το αγγούρι* (agapao karion san kolo apo to angouri, букв. «любить кого-либо как жопку от огурца»). Здесь часть фитонима приобретает значение ненужного, не обладающего ценностью предмета.

Речевая формула *σηκώθηκα τα αγγούρια να γαμήσουν το μανάβη* (букв. «восстали огурцы, чтобы отье...ать зеленщика», русский коррелят «твой номер восемь, жди когда спросим» или «яйца курицу не учат») употребляется для обозначения ситуации, при которой дерзкие, но не имеющие власти люди попытаются изменить ситуацию, не обладая должным опытом и компетенцией. Здесь фитоним используется для обозначения ничтожного, незначительного человека. Эта формула считается грубо-просторечной и обычно произносится язвительно-ироническим тоном, при этом глагол и существительные остаются без изменений: – *Αφεντικό δε μπορώ να το κάνω αυτό που μου ζητάς, είναι πολύ βαριά τα κιβώτια, να τα μεταφέρεις εσύ. – Τι λες ρε κολόπαιδο; Πας καλά; Σηκώθηκα τα αγγούρια να γαμήσουν το μανάβη; Τσακίσου κουβάλα τα, μη σου κόψω τον κόλλο* (– Afendiko de mboro na to kano afto pou mou zitas, ine varia ta kivotia, na ta metaferis esi. – Ti les re kolopedo? Pas kala? Sikothikan ta angouria na gamisoun to manavi? Tsakisou kouvala ta, mi sou kopso ton kolo) («– Начальник, я не могу сам с этим справиться, коробки тяжелые, давай ты их сам отнесешь. – Дрянь такая, ты еще выступаешь? Ну-ка быстро взял и оттащил, иначе я тебя сейчас отымею в зад» (букв. «Что ты говоришь, дитя задницы? С тобой не все в порядке? Поднялись огурцы, чтобы отье...ать зеленщика? Сорвался и тащи, чтобы я тебе зад не порвал»)). К синонимичным ФЕ относятся речевые формулы типа *σηκώθηκα τα πόδια να χτυπήσουν το κεφάλι* (sikothikan ta podia na khtipisoun to kefali) (букв. «поднялись ноги, чтобы голову ударить»), *ξεσηκώθηκα τα ρηγά πιάτα και ζητάνε σούπα* (ksesikothikan ta rikha piata ke zitane soupa) (букв. «устроили восстание мелкие тарелки и требуют суп») и обценные ФЕ *ξύπνησαν και οι καπότες και γαμάνε μόνες τους* (ksipnisan ke i kapotes ke gamane mones tous) (букв. «проснулись гондоны и еб...тса сами»), *σηκώθηκα τα σκατά να τραβήξουν το καζανάκι* (sikothikan ta skata na traviksoun to kasanaki) (букв. «всплыли на поверхность какашки, чтобы самим спустить воду в унитазе»), *έβγαλε η μύγα κόλλο και έχεσε τον κόσμο όλο* (evgale i miga kolo ke ekhese ton kosmo olo) (букв. «вот и муха зад показала и обоср...ла весь мир»), *Έκανε κι η μύγα κόλλο και έχεσε τον κόσμο όλο* (ekane ki i miga kolo ke exhese ton kosmo olo) (букв. «и муха задницу отрастила и обоср...ла весь мир»), *έμαθε να βελονιάζει και γαμεί το μαστορή του* (emathe na veloniazi ke gami to mastori tou) (букв. «научился он иголкой работать и теперь еб...т своего начальника»).

Таким образом, в результате проведенного анализа выявляется, что лексема *αγγούρι* как элемент греческого пищевого кода в греческом языковом

сознании существует с древних времен и воспринимается прежде всего как название продукта питания, а не растения (ср., напр., ФЕ современного греческого языка, где рядом с существительным *αγγούρι* встречается глагол *τρῶω* (troo, «есть, питаться»). Анализ показал, что фитоним *огурец* реализуется в новогреческом языке богатые ассоциативные связи, которые проявляются в различных лексико-фразеологических полях (ЛФП): так, ЛФП «огурец» формирует такие понятийные сферы, как «внешность человека и части тела», «поведение», «межличностные отношения», «мировосприятие», где самым частотным становится поле «внешность и части тела» (5 ФЕ и один метафорический дериват), затем следуют «поведение» (3 ФЕ), «мировосприятие» (3 ФЕ), «межличностные отношения» (2 ФЕ). При этом в значительной мере данные фитонимы носят узуальный характер (это касается, прежде всего, сферы «внешность человека и части тела»), а окказионализмы, в свою очередь, характерны именно для греческой языковой картины мира, как это было показано выше.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и культура // Язык и культура: Тезисы Второй международной конференции. Киев, 1993. Ч. 1. С. 67–68.
2. *Солодуб Ю.П.* Контрастивная фразеология // Филологические науки. 1998. № 4. С. 57–65.
3. *Юрина Е.А.* Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. № 3. С. 83–93.
4. *Юрина Е.А.* Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 32. С. 25–58.
5. *Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: URSS, 2012.
6. *Павловская А.В.* Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура: По материалам I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира», 30 октября – 1 ноября 2014 г. М., 2015. С. 7–4.
7. *Щербинина Ю.В.* Дикта(н)т еды // Нева. 2012. № 7. С. 221–230.
8. *Агапкина Т.А., Толстая С.М.* Пища // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
9. *Юрина Е.А.* «Пищевая метафора»: объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 207–2011.
10. *Петрова Н.Д.* Лінгво-гносеологічні основи динаміки фразеологічної номінації (на матеріалі англійської фразеології живої природи) : автореф. дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 1996.
11. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.
12. *Thesaurus Linguae Graecae (TLG).* URL: www.tlg.uci.edu/index.prev.php
13. *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. 1996.
14. *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek lexicon. Oxford : Oxford Clarendon Press, 1961.
15. *Μπαμπινιώτης Γ.* Ετυμολογικό λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Ιστορία των λέξεων. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας ΕΠΕ, 2010.
16. *Κριαράς Ε.* Ελληνικό Λεξικό. Λεξικό της σύγχρονης ελληνικής δημοτικής γλώσσας. Αθήνα : Εκδοτική Αθηνών, 2007.

17. Παλαζαχαρίου Ε. Λεξικό της πιάτσας. ΑΡΓΚΟ. Αθήνα : Κάκτος, 1999.

18. Баранов А., Добровольский Д. Основы фразеологии. М. : Флинта, 2013.

19. Σαραντάκος Ν. URL: <http://sarantakos.wordpress.com>

THE FOOD CODE OF GREEK PHRASEOLOGY: THE PHYTONYM “CUCUMBER”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 98–110. DOI: 10.17223/19986645/53/7

Irina V. Tresorukova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: itresir@mail.ru

Keywords: phraseology, food code, language picture of the world, Greek language, cucumber.

The article deals with the problem of the formation of the food code in Greek phraseology on the basis of the analysis of one of its components – the phytonym “cucumber”. The food code is one of the components of the cultural code, which forms images and figurative systems expressed by the combination of linguistic means, and it is regularly reproduced in speech. Phraseological units (PU) are used as the material for research, for they play an important role in linguoculturology, as they create a special symbolism of the surrounding world. Among the other meanings of figurative nomination (e.g. various tropeic meanings like metaphors, comparisons, etc.), PU take on the functions of imaging and expressing the material, spiritual and language picture of the world of man and the nation as a whole.

One of the most common cultural codes is the so-called food code, for the cooking, the gastronomy and food in general help us to designate a whole complex of different images (social, family, religious relations, perception of nature, etc.), which gives us a possibility for a detailed study of the lexico-phraseological composition of this code.

From the point of view of semantic symbolism, phytonyms can be divided into constant and occasional. *Constant* ones were formed at the early stage of the formation of human consciousness and they are accessible to the understanding of different peoples and nationalities. *Occasional* phytonyms represent a reflection of the properties and qualities that the person attributes to phytonyms. Conventional symbols are inherent in the constancy and persistence of the feature, while occasional symbols, because of the dynamic character of their symbolism, narrow or broaden the field of their application, gradually losing associative connections. Different phytonyms form so-called figurative lexical-phraseological fields, where each lexeme appears in various meanings either occasionally or conventionally.

The relevance and originality of this article are that for the moment no one has been engaged in the study of the food code on the material of Greek phraseology in Russian linguistics, and the material, collected as a result of studying the corpus of texts of the Greek language and of field research made directly with speakers, gives us the possibility for making conclusions, which describe another view on the Greek language picture of the world.

As a result of the analysis, it has been identified that the phytonym “cucumber” as an element of the Greek food code and the component of the PU in the Greek linguistic consciousness has existed since ancient times, and is perceived primarily as the name of a food product, and not a plant. The phytonym “cucumber” realizes rich associative connections in the Greek language, which manifest themselves in various lexical-phraseological fields, such as “appearance of a person and body parts” (the most frequent, 5 PU and one metaphorical derivative), “behavior” (3 PU), “world perception” (3 PU), “interpersonal relations” (2 PU). At the same time, to a considerable extent, these PU have a conventional nature (we discern it primarily in the field “appearance of a person and a part of the body”), while occasional PU are only characteristic for the Greek language picture of the world.

References

1. Alefirenko, N.F. (1993) [Phraseology and culture]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Abstracts of the 2nd international conference. Pt. 1. Kiev: [s.n.]. pp. 67–68. (In Russian).
2. Solodub, Yu.P. (1998) Kontrastivnaya frazeologiya [Contrastive phraseology]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 57–65.
3. Yurina, E.A. (2008) Leksiko-frazeologicheskoe pole kulinarykh obrazov v russkom i ital'yanskom yazykakh [Lexico-phraseological field of culinary images in Russian and Italian languages]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 83–93.
4. Yurina, E.A. (2004) Obraznost' v sisteme leksiko-semanticheskikh kategoriy yazyka [Figurativeness in the system of lexico-semantic categories of language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Byulleten' operativnoy nauchnoy informatsii*. 32. pp. 25–58.
5. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. Moscow: URSS.
6. Pavlovskaya, A.V. (2015) Nuzhna li nam nauka o ede? [Do we need a science of food?]. In: *Eda i kul'tura: Po materialam I Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma "Traditsionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira"*, 30 oktyabrya – 1 noyabrya 2014 g. [Food and Culture: Based on the materials of the first international scientific and practical symposium "Traditional culture in the modern world. The history of food and traditions of nutrition of the peoples of the world", October 30 – November 1, 2014]. Moscow: Moscow State University. pp. 7–4.
7. Shcherbinina, Yu.V. (2012) Dikta(n)t edy [Dictat-e(ion) of food]. *Neva*. 7. pp. 221–230.
8. Agapkina, T.A. & Tolstaya, S.M. (2009) Pishcha [Food]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Rukopisnye pamyatniki drevney Rusi
9. Yurina, E.A. (2015) "Food metaphor": the scope and limits of the concept. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3. pp. 207–2011. (In Russian).
10. Petrova, N.D. (1996) *Lingvo-gnoseologichni osnovi dinamiki frazeologichnoi nominatsii (na materialy angliys'koi frazeologii zhivoi prirodi)* [Linguo-gnoseological basis of the dynamism of phraseological nominations (on the material of the English phraseology on nature)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kiev.
11. Cherdantseva, T.Z. (1996) Idiomatica i kul'tura (postanovka voprosa) [Idiomatrics and culture (to the problem setting)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 58–70.
12. Thesaurus Linguae Graecae (TLG). [Online] Available from: www.tlg.uci.edu/index.prev.php.
13. Liddell, H.G. & Scott, R. (1996) *A Greek-English Lexicon*. Clarendon Press.
14. Lampe, G.W.H. (1961) *A Patristic Greek lexicon*. Oxford: Oxford Clarendon Press.
15. Babiniotis, G. (2010) *Etymological Dictionary of the Modern Greek Language. History of words*. Athens: Center of Lexicology Ltd. (In Greek).
16. Kriaras, E. (2007) *Greek Dictionary. Dictionary of modern Greek language*. Athens: Editorial Athens. (In Greek).
17. Papazachariou, E. (1999) *Dictionary of Slang*. Athens: Cactus. (In Greek).
18. Baranov, A. & Dobrovol'skiy, D. (2013) *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology]. Moscow: Flinta.
19. Sarantakos. (n.d.) [Online] Available from: <http://sarantakos.wordpress.com>. (In Greek).